

* * *

Господи, мой Боже,
Мне неизвестен цвет глаз
Твоих, может, позже
Они поглядят на нас.
И зная, что я увиден,
И лучше, чтобы насквозь,
Закричу – не спите!

Видите, началось!
Из телесной пещеры
Куда-то, возможно ввысь,
Капельки нашей веры
мелким дождём понеслись.

* * *

Засохший яблоневый лист
Слетел на тёплый пол веранды.
Конец июля, воздух чист
И чист эфир от пропаганды.
Исчезли Меркель и Макрон,
Пусты каналы, как на Марсе,
Затихли прения сторон,
И только кот соседский Барсик
Приходит в гости. У кота
Нет мнения об Украине.
Даль удивительно чиста
И будет таковой отныне.

* * *

Сквозь шумы стройки и судьбы
Доносится мотив наивный,
Мне с ним побыть хотелось бы,
Пусть он вполне бесперспективный.
В нём нет напора и красот,
Не дышит будущее в нотах,
Но что-то он в себе несёт,
Какой-то небывалый отдых.
Да, мы, наверно, отдохнём,
На время выпав из природы,
Но бледным неземным огнём
На территории свободы
Продолжим свой укромный путь,
Во тьме не перестав светиться.
Да, мы уходим отдохнуть,
Затем, чтоб снова возродиться.

* * *

Уважаемый Спаситель,
Подскажи мне, добр будь,
Почему я только зритель
И великой жизни путь
Пролегает как-то мимо
Постаревшего меня,
Катит неостановимо,
И вот этого коня
Даже русская девица,
Даже потушив пожар,

Хоть на миг остановиться
Не заставит. Бренный дар
Составленья слов в куплеты
Не поможет ну ни в чём,
И на набережной Леты
Мы окажемся вечер.
Вьюга злилась, но отстала,
Ворог выглядит как друг,
У загробного портала
Ручку выпущу из рук.
Что-то ждёт нас в этой бездне,
То, чего не сыщешь тут.
Наши жалобные песни
Там уже не подойдут.

* * *

Как пережить мне эту осень,
Она страшна почти как смерть,
Деревья, кроны грохнув оземь,
В глаза не в силах ей смотреть.
Уж льдом затягивает лужи,
А дождь затянет синь небес,
А мне, как правило, чуть лучше,
Когда я погружаюсь в лес.
В разнодеревье этом влажном
Ещё витает дух грибной,
И соснам, этим хвойным башням,
Вольно смеяться надо мной.
Я заблужусь в сосновом храме,
Где каждый ствол почти алтарь,
Здесь свой порядок, свой регламент,
Смолы намоленный янтарь.
Есть в нас растительное нечто,
Моя прогулка – просто грех,
А неподвижность, она вечна,
А вечность принимает всех.

* * *

Никуда от осени не скрыться,
В чистом поле, в доме у камина
Зябко мне, а что в душе творится,
Хороша одна лишь только мина.
Для чего-то я её таскаю,
Будто бы всё здорово и справно,
Чтоб никто не знал, тоска какая,
Осень в мире, а в душе подавно.
Всё переживу, твержу себе я,
Что же мне теперь уж остаётся,
Вдруг надежды маленькая фея
Да на mine этой подорвётся.

* * *

Да, Конюхов меня, конечно, поразил,
Сквозь шторм десятибалльный на лодчонке,
И главное, никто ведь не просил,
Чтоб старый выворачивал печёнки.
Теперь он хочет выше стратосфер
Взлететь на шаре, повертеться малость,
Проверить путь, которым, например,
Душа Гагарина когда-то поднималась.
Потом на гору, скажем Эверест,
А может, и вообще на Джомолунгму,
Что ж, снежный человек его не съест...
А нет бы просто погулять по лугу,
И с удочкой у речки посидеть
(не будем о рискованной охоте),
И, замерев, тихонько обалдеть:
Ведь время здесь ещё быстрее уходит.

* * *

Поминаю я в своих молитвах
Тех, кого по жизни растерял.
Дружба, измеряемая в литрах,
Бесконечный пьяный сериал.
Может разве быть однообразней
Что-то той застольной болтовни,
Навсегда приевшиеся басни...
Господи, ты всё-таки верни
Те проникновенные мгновенья
Там, в подъезде или гараже,
Что звучали, словно песнопенья,
В тёмной, но восторженной душе.

* * *

Что вы мне хотите поручить,
Чтобы я своим стихом корявым
Стал бы сирых истине учить,
Подвигать народы к лучшим нравам?
Только, братцы, надобно понять,
Я и сам в сомнениях жестоких.
Чтоб благие роли исполнять,
Вы других зовите, разных, многих,
Кто умеет, кто сподоблен знать,
В чём же польза и каков порядок,
Я же, это надобно признать,
На простое наслажденье падок
От романа или же стиха,
Это выше правды и морали,
К тем душа моя почти глуха,
Зря бумагу ради них марали.

Нет, есть там какое-то место,
 Где кучею свалены мы,
 И там до Суда, как известно,
 И дурни лежат и умы.
 Там тесно почти как в трамвае,
 Но нету нужды там в еде,
 Тепло, ну, примерно как в мае,
 Томит всех потребность в труде.
 Мужи и девицы все вместе,
 В безгрешных телах мы летим,
 К былой равнодушны невесте,
 Забыли вообще про интим.
 На землю глядим то и дело,
 Но нам наплевать, как дела
 У Трампа и Венесуэлы
 И сколько растаяло льда.
 Посыпались страшные бомбы,
 Моря подступают огня,
 Работают мощные помпы,
 Людей к нам на небо гоня.
 И что же теперь у нас будет,
 Куда ты?! Послушай! Не лезь!
 Архангелы Бога разбудят,
 Но беженцы уже здесь.
 Загадят небесную землю!
 И вытопчут тихий наш сад!
 Вообще оживить их дешевле,
 Валите-ка, братцы, назад!

* * *

Что-то грустно мне сегодня,
 В сердце полумрак и дождь,
 Воля тёплая Господня,
 Ведь не ты меня гнетёшь.
 Это кто-то инородный
 В дом мой внутренний проник
 И, вселяя страх животный,
 Сцапал тайный мой дневник.
 Водит пальцем по страницам
 И копаётся в словах,
 Мне бы надо рассердиться,
 Только чую – дело швах.
 Я разложен и разгадан,
 Разнесён по полкам я,
 И помечен каждый атом
 Жалобного бытия.
 И на что моя надежда?
 Гость – тяжёлый идиот,
 И, конечно же, невежда
 ничего не разберёт.

Сколько тысяч должно умереть,
 Чтобы стала заметной идея?
 Дальше нужно ей заматереть,
 Обаятельного злодея
 Во главе занять. Ведь слабак
 Или интеллигент тонконогий
 Не сорвут политический банк,
 Не найдут через хаос дороги.
 Дальше, массами овладев
 И скрывая пока что пороки,
 Всех мальчишек, а также и дев
 Она шлёт на великие стройки.
 Всех мужчин превращает в солдат,
 Чтоб погибли во славу державы,
 Наплодит она множество дат
 И объектов немислимой славы.
 Лишь когда её сроки пройдут,
 Старой власти провиснут вериги,
 Её правнуки тихо прочтут
 Про идею правдивые книги.

* * *

Кажется, отпали все сомнения
 И последний враг роняет щит,
 Сквозь все щели хлещет откровение,
 Как забор прогнивший, мир трещит.
 Всё, что есть, теперь живёт по-новому,
 Смыслы все и помыслы чисты,
 Смерть свелась к событию ерундовому,
 И былого мощные пласты
 Вывернуты, и на усмотрение
 Все дела благого судии.
 Он решает, не вступая в прения,
 Точки ставя страшные над «i».

* * *

Всё ли я как нужно рассмотрел,
 Всё ли я ощупал и изведаль?
 В сталинградском танке не горел
 И с Антониони не обедал.
 Сколько от моих неловких рук
 Ускользнуло молодых красоток,
 Мира я не обогнул вокруг,
 Не попробовал и сотовой части водок.
 Но откуда пасмурный снобизм:
 Всё известно мне и всё мне пресно?
 Не хочу я повторять на бис
 Путь, где и в начале только бездна.